

ОБРАЗ РОССИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ 1920 – 1930 ГОДОВ

The Image of Russia in the Russian Literature and Culture of the
1920s – 1930s

Юлия Александровна Воропаева

voropaeva_yua@pfur.ru

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Алексей Юрьевич Овчаренко

ovtcharenko-1959@yandex.ru

Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Yulia A. Voropaeva

voropaeva_yua@pfur.ru

Russian Peoples' Friendship University (RUDN University) (Moscow, Russia)

Alexey Yu. Ovtcharenko

ovtcharenko-1959@yandex.ru

Russian Peoples' Friendship University (RUDN University) (Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 29.04.2022

Fecha de evaluación: 29.11.2022

Cuadernos de Rusística Española n° 18 (2022), 129 - 142

РЕЗЮМЕ

В статье ставится проблема формирования образа России в русской литературе и культуре 1920 – 1930-х годов, формулируются различные аспекты, составляющие этот образ: исторический, географический, литературный, лингвистический, устанавливаются возможные связи с визуальными искусствами тех лет, с живописью русского авангарда и архитектурой конструктивизма. В переходные эпохи взаимоотношения старой и новой, находящейся в процессе становления, культуры, наиболее напряжены, развиваются в диалектическом диалоге. Эти сложные отношения между социальными идеями, поисками нового языка, словом и его визуализацией являются важной темой для всей революционной культуры. Изучены различные идейно-стилистические аспекты «магистральных» текстов», но их связь с литературной почвой 1920 – 1930-х гг., их идейно-жанровое взаимодействие с огромным корпусом малоизвестных текстов как метрополии, так и эмиграции все еще не исследованы. Феномен «художественная жизнь» вместе с понятиями «литературная жизнь» и «литературный быт» могут создать более полную картину творческой жизни России тех лет, при этом неразрывную связь визуальных искусств с воплощенным в них словом, литературой еще предстоит изучить более полно.

Ключевые слова: русская литература и культура 1920 – 1930-х годов, образ России, сюжетное пространство, хронотоп, визуальные искусства, Содружество писателей революции «Перевал».

ABSTRACT

The article raises the problem of creating the image of Russia in the Russian literature and culture of the 1920s-1930s, outlines various aspects that constitute this image — historical, geographical, literary, linguistic, — establishes possible connections with the visual arts of those years, with the painting of the

Russian avant-garde and constructivist architecture. In transitional periods, the relations between the old and the new culture, which is being formed, are the most tense and develop themselves in a dialectical dialogue. These complex relations between social ideas, the search for a new language, the word and its visualization are an important topic for the whole revolutionary culture. Various ideological and stylistic aspects of the "main" texts have been studied, but their connection to the literary ground of the 1920s and 1930s, their ideological-genre interaction with the huge corpus of less known texts from both the metropolis and the emigration is still unexplored. The phenomenon of "art life" together with the notions of the "literary life" and the "literary way of life" may give a more complete picture of the creative life in Russia during those years, whereas the inseparable link between the visual arts and the word and literature embodied in them has yet to be studied more fully.

Keywords: Russian literature and culture of 1920s-1930s, the image of Russia, narrative space, chronotope, visual arts, the Commonwealth of Revolutionary Writers "Pereval" ("The Pass").

Социокультурные и историко-литературные представления о России на протяжении XX в. менялись неоднократно, особенно после 1917 г., когда революционные события и гражданская война сдвинули с места огромные массы людей, со своими представления о малой родине — Южная Россия, Урал и Сибирь, Дальний Восток. Сюжетное пространство русской литературы расширилось, вобрав в себя ранее неизвестные читателю части страны. Перед писателями, многие из которых в боях Гражданской завоевывали новый мир, встала задача понять и описать его, создать новое литературно-географическое пространство — советское, расширив его к началу 1930-х гг. и на Среднюю Азию. Затем «мальчики державы» (Д. Самойлов) — поэты-ифлидцы, погибшие на Великой Отечественной войне, — П. Коган, М. Кульчицкий, Н. Майоров, Н. Отрада, пересоздавали уже новую советскую империю «От Японии до Англии» (П. Коган), значительно расширив ее границы, стремясь «дойти до Ганга» (П. Коган).

После 1991 г. и распада СССР травма потери общей родины нашла свое выражение, в том числе, и в рассказе А. Волоса «Ужик» (1997) из цикла «Хураммабад», а в начале XXI в. в литературе вновь возродились уже неоимперские мечты: политически ангажированный пафос «клинического реализма» З. Прилепина и др., альтернативная история и «имперский роман» П. Крусанова и др. Но общими оставались тютчевские реминисценции и вопросы: «Что такое Россия?», «Как нам понять ее?».

В этом контексте интересно проследить эволюцию поисков ответов на эти вопросы в рамках актуализации историко-литературного процесса 1920–1930-х гг. на современном этапе: открытия забытых авторов, апелляции к различным аспектам литературного прошлого (новокрестьянская поэзия, литература русского абсурда, феномен женского авторства и т. д.), продолжающихся поисков национально-культурной идентичности. Важно проследить, как формировался сложный социально-философский и литературный образ, особый хронотоп России у «новобранцев революции», перед которыми, в отличие от старшего поколения, не стоял вопрос принятия/непринятия нового мира, — они исходили из данности, существования нового мира и нового общества. Для поколения 1900-х гг., у которого совпали молодость и революция, прошлого словно и не существовало: они лишь начинали жить заново и рассказывали о рождении этой новой жизни: «Нам суждено было становиться на передовую линию жизни — нам, двадцатишестилетним, чьи

годы отсчитывались годами века, стрелки чьих жизненных часов шли наравне с часовыми стрелками эпохи» (Зарудин 1983с: 514). Именно поэтому в центре нашего внимания — прозаики Содружества писателей революции «Перевал» — главного, наряду с МАПП и ЛЕФ, участника литературного процесса второй половины 1920-х гг., создателя новой философии искусства и синтетического культурного идеала будущего (Овчаренко 2018). Не случайно, что свои сборники конца 1920-х гг. перевальцы называли «Ровесники».

Отсутствие исследований на эту тему, за исключением оставшихся в своем времени работ о «великой советской родине» или же стереотипных представлений об образе и теме родины в поэзии А. Блока, С. Есенина, В. Маяковского, М. Шолохова и др., ее излишняя идеологизация определяют актуальность и научную новизну нашей статьи. Подчеркнем, что основной корпус перевальской прозы и поэзии не переиздавался с конца 1970-х гг. и нуждается в новом прочтении, что делает важной проблему концептуализации историко-литературного контекста творчества писателей разных художественных направлений.

Общая теория художественного времени, художественного пространства и хронотопа представлена классическими трудами М. Бахтина, Д. Лихачева и др. (Бахтин 1975: 234–407; Лихачев 1979: 209–334; 335–351). В последнее время внимание исследователей обращено к идее формирования «сталинского пространственного мифа» в контексте «пространственного поворота» (Горбачев 2018); углубляются представления об «историко-культурном ландшафте» советской литературы 1930–50-х гг. (Е. Добренко), развивается новое междисциплинарное направление — историческая имидженология. Понимание текстуальности истории (Л. Монтроуз) расширяет границы традиционного литературоведения, но при этом отсутствует анализ формирования образа России в динамике литературного процесса 1920–30-х гг., «живого мира» (Ю. Лотман), во взаимодействии и взаимопроникновении литературного и исторического рядов (Ю. Тынянов), когда именно литература стала одним из важных средств идеологизации нового общества и создания новой культурной модели. В начале 1920-х гг. начинает формироваться более сложный, многомерный образ «советского пространства», включающий в себя разные, но связанные между собой аспекты:

- исторический (создание комиссий по истории партии — ИСПАРТ и по истории молодежного и коммунистического движения — ИСТМОЛ, создание нового коммеморативного пространства) (Corney 2003);
- географический (освоение, идеологическая экспансия новых территорий и «будни великих строек», включая Центральную Азию) (Там, внутри 2012);
- литературный (поэтизация первых двух аспектов) и образ России будущего в искусстве (живопись и архитектура русского авангарда, конструктивизма в первую очередь) и литературе (советская утопия и антиутопия);
- лингвистический (попытка латинизации русского алфавита, создание нового советского языка — *langue de bois* (Delporte 2009; Gorham 2003), возникновение «советского двуязычия» (М. Шапир), яркой иллюстрацией которого служит рассказ А. Яшина «Рычаги», 1956).

Литературное освоение советского пространства создало и новый дискурс — советский вариант русского ориентализма (Схиммельпэннинк ван дер Ойе 2019) в текстах таких разных авторов, как С. Кржижановский, А. Адалис, А. Платонов и Первая бригада писателей (1930) — П. Павленко, В. Луговской, Н. Тихонов, Л. Леонов, Вс. Иванов, Г. Санников), и возродило путевой очерк — старый жанр на принципиально новом материале в созданном А.М. Горьким для этих целей журнале «Наши достижения». На наш взгляд, создаваемое литературное пространство, к которому обращено наше внимание, в той или иной степени включает все перечисленные выше аспекты нового образа России.

На формирование этих общих представлений значительное влияние оказал именно географический фактор — огромность территории страны. География и государственные границы в историко-литературном процессе 1920–30-х гг. диктовали эту идею величия. Из двух хрестоматийных точек зрения, в которых выражено диаметрально-противоположное отношение к величине территории России, — А.С. Пушкина «Клеветникам России» (1831) («...от финских хладных скал до пламенной Колхиды») и Н.М. Карамзина («Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами Естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою?») (Карамзин 1989: 14–15), с одной стороны, и П.А. Вяземского, с другой («Мне также уже надоели эти географические фанфаронады наши: От Перми до Тавриды и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим враспяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст, что физическая Россия — Федора, а нравственная — дура») (Вяземский 1927: 70), возобладали идеи Н.М. Карамзина, воплощенные позже в прозе, поэзии, многочисленных песнях и кинофильмах второй половины 1930-х гг.

«Новобранцы революции» стали не просто свидетелями, а активными участниками строительства новой страны. Для них был актуален образ России не в прежнем, славянофильском или западническом контексте, а как образ «пустой земли» А. Платонова, которую еще только предстоит обустроить и социально, и культурно. Новой Родины, новой России, как они понимали ее, для них еще не было, ее еще нужно было не только увидеть, понять и описать, но и создать. «Ровесники века» ощущали себя творцами новой страны, «...вышедшей из потопа мировых войн, из хаоса кризисов, голода и пессимизма... при втором сотворении мира» (Зарудин 1983а: 25). И это примета эпохи, точнее, ее восприятия теми, кто лишь входил в жизнь, одушевленный верой в то, что именно теперь открывается путь к всеобщему счастью: «Верилось в лучшие времена, в счастье, в согретую и всеми голосами запевшую, наконец, жизнь» (Мальшкин 1928:105).

Разное отношение к стране, различные ее образы объяснялись не только поколенческими и концептуальными различиями участников литературного процесса, но и сформировавшимися двумя ветвями русской литературы, разделенной революцией.

Старшее поколение писателей, оставшихся в России, хотя поначалу и связывало с революцией высокие надежды («Интеллигенция и революция» (1918) А. Блока),

справедливо восприняло последовавшие за Октябрем 1917 г. события прежде всего как гибель культуры («Революция и культура» (1918) М. Горького, повести «Жестокость» (первоначальное название — «Тяга земли» (1922) и более поздняя — «Павлин» (1928) С. Сергеева-Ценского), увидело в них опасность «замутнения самих источников гармонии» (А. Блок), разгул первобытных инстинктов и насилия (письма В. Короленко Х. Раковскому (1919–1921) и А. Луначарскому (1920) (Короленко 2001).

Многие писатели-эмигранты старшего и младшего поколения — И. Шмелев, Б. Зайцев, В. Набоков, А.Н. Толстой, продолжая традицию русской литературной автобиографии, обращались к описанию навсегда оставленной родины, родительского дома, используя образ счастливой семьи, детства и юности и т. п. Этот защитительный пассаж объяснялся тем, что будущего для себя в России и для России большевистской они не видели. Яркий тому пример — антиутопия П. Краснова «За чертополохом» (1921). Лишь позже эмигранты обратились к поискам причин происшедших событий, философски осмыслили революцию (М. Осоргин), пытались провести исторические аналогии (М. Алданов) и т. д.

Тем не менее надежды на изменения в России все же существовали как у писателей метрополии (эпопея «Преображение России» С. Сергеева-Ценского, упование на преобразующую силу искусства в борьбе с косной материей в дневниках середины 1920-х гг. М. Пришвина), так и у писателей диаспоры, веривших в духовное возрождение родины на основе православия: И. Шмелев говорил о желании связать мемуарные рассказы об оставленной России в книгу «Солнце живых».

У писателей, безоговорочно принявших Октябрь 1917 г., чье литературное и личностное становление совпало с началом новой эпохи в истории России, было, естественно, другое представление о революции и последовавшей за ней Гражданской войной, активными участниками которой они были. «На гребне Октября (они) увидели горизонты мирового социализма» (Пакентрейгер 1925: 347) и получили возможность строить свой новый мир. Представления о своей стране у них тоже были другими.

Однако можно выделить и общие черты этого восприятия: образ ветра, метели был общим для «Взвихренной Руси» А. Ремизова, «Двенадцати» А. Блока, «Голого года» Б. Пильняка; от метели в зимнем Киеве не смогли скрыться за кремовыми шторами герои «Белой гвардии» М. Булгакова. В знаменитом стихотворении Филарета Чернова (1878–1940) «Замело тебя снегом, Россия» (1918), ставшем знаковым романсом для русских эмигрантов первой волны, «седая пурга» все замела и схоронила. Но затем, в «Песне о ветре» (1926) и во всей поэзии В. Луговского, образ ветра стал уже образом самой эпохи, ее динамики.

Возникали и другие, вполне закономерные для литераторов старшего возраста, ассоциации: В. Розанов («Апокалипсис нашего времени» (1918)), М. Волошин (стихотворения «Трихины» (1917), «Из бездны» (1917), «Готовность» (1921), «Потомкам (Во время террора)» (1921)) видели в октябрьском перевороте и последующих событиях апокалиптический конец времен. Общим был образ катастрофы, «провал» (З. Гиппиус), столкновения миров («Два мира» (1921) В. Зазубрина) и огромных безликих масс (Множества в «Падении Даира» (1923) А. Малышкина). Наиболее полно, в силу непосредственной эмоциональной реакции,

это видение нового мира в первую очередь было отражено в лирике революционной эпохи (Фатющенко 2008).

Схожие ассоциации вызывала и Гражданская война: библейские ужасы эпопей «Солнце мертвых» И. Шмелева, рассказчик которой ассоциируется с ветхозаветным Иовом, «Окаянные дни» И. Бунина и «Россия, кровью умытая» (1923–1932) Артема Веселого с ее орнаментальным стилем, передающим динамику революционной стихии.

После революции в России ярче проявились различия в видении путей развития общества и страны: интернационалистическое и традиционалистское. В идеологии и литературе эти две точки зрения были выражены, соответственно, в теориях Л. Троцкого, творчестве поэтов Пролеткульта, футуристов, биокосмистов, объединения ЛЕФ и в прозе и поэзии С. Клычкова, Н. Клюева, С. Есенина, В. Наседкина и других новокрестьянских поэтов, М. Пришвина, членов Содружества «Перевал» И. Катаева, Н. Зарудина, А. Малышкина, А. Новикова и др.

Для большинства же тех, кто именовал себя пролетарскими писателями, существовала лишь одна константа — Светлое будущее, нашедшая свое выражение, прежде всего, в ранних утопиях «Первомайский сон» (1921) В. Кириллова, «Грядущий мир» (1922) Я. Окунева, «Страна Ингури» (1922) В. Итина, в проекте «голубых городов» Василия Буженинова, героя одноименной повести А.Н. Толстого «Голубые города» (1925). А.В. Луначарский подчеркивал важность утопического романа: «Заглянуть в будущее, постараться, хотя бы в форме научной догадки, показать, каков будет этот мир через несколько лет, во что оформится наш социалистический город, в какие конфликты вступят принципы буржуазного мира и принципы социалистические в различных пунктах земного шара, словом, постараться приподнять завесу будущего — это задача прекрасная» (Актуальнейшие темы художественной литературы. Луначарский А.В. (newgod.su)).

Предстоит более полно исследовать воплощение идей и слова в архитектуре и живописи в революционной культуре, когда, по словам теоретика производственного искусства Б. Арватова, «художник захотел строить», а «слово смело пошло за живописью» (В. Хлебников). Яркие примеры этой идеи — поэзия Пролеткульта, «Башня Татлина», поэты объединения ЛЕФ и конструктивисты, «Государство времени» В. Хлебникова, связь поэзии которого и живописи П. Филонова, очевидна (Ковтун 2000: 21), проект советского «Города-сада» и крестьянская утопия А. Чайнова — мир, в котором Великим декретом уничтожены города — все это создавало новое визуальное пространство.

Почему же поиски ориентиров, точек опоры в прошлом активизировались во второй половине 1920-х гг.? На наш взгляд, есть несколько причин. Это и апогей разочарования в политике нэпа и ее результатах, и «линяние революционно-романтических чувств» (А. Воронский 1925: 21) на уровне повседневности, и усиление сомнений в правильности выбранного партией и страной пути. Все это отражено не только в забытых сейчас, но и в «магистральных» произведениях русской литературы: «Цемент» (1925) Ф. Гладкова, «Вор» (1927) Л. Леонова, «Зависть» (1927) Ю. Олеси, «Сердце» (1927) И. Катаева, «Гадюка» (1928) А.Н. Толстого и мн. др.

Очевидно, что именно поэтому эпоха пробудила интерес к историческим корням. Особенно это было характерно для литературной школы общественно-литературного центра, возглавляемого А. Воронским журнала «Красная новь», Артели писателей и издательства «Круг», Содружества писателей революции «Перевал». Если для Пролеткульта, РАПП и ЛЕФ главным была идеология пролетариата, ее вселенская устремленность, направленные силой партии на преодоление трудностей и подчинение себе сил внешнего мира, то перевальцам важно было показать Россию в эпоху перемен, эпоху борьбы с косными силами природы.

Лишь потом, к концу 1930-х гг., когда идею мировой революции, «мирового пожара» сменила имперская идея всеобщей централизации общества и искусства, в котором утвердилась центростремительная Культура Два (В. Паперный), одной из составных частей этой культуры стало Славное прошлое, своеобразный «заградительный миф» (Д. Хапаева). Этот пассаизм был свойствен и перевальцам. И. Катаев писал: «Нам..., партийцам армейской породы, прошлое кажется все-таки важнее настоящего», именно те годы Гражданской войны заложили определенную систему нравственных критериев: «Все новое мы проверяем мерками той поры, всякого встречного человека — в первую голову. Немудрено: те годы заново родили нас, заставили узнать самих себя и показали нам лучших людей в лучших делах, какие только доступны человечеству» (Катаев 1957: 82). Но в этом прошлом был произведен официальный отбор исторических фигур, наиболее полно соответствующих идее централизации, застывающей, монументальной Culture Два (В. Паперный) — Ивана Грозного и Петра Первого.

Молодые прозаики Содружества писателей революции «Перевал» восстанавливали связь старой традиционной культуры и новой революционной Culture Один (В. Паперный), перекидывали между ними «прочный эстетический мостик» (А. Воронский). Они не только пытались взглянуть на совершающиеся в стране преобразования с позиций исторического прошлого, но и искали в прошлом России своеобразные точки опоры. Их интересовали нетипичные для России второй половины 1920-х гг. фигуры: не призванные в учителя Л. Толстой и не Н. Чернышевский и революционные демократы, а Н. Гоголь (А. Воронский обратился к его творчеству почти одновременно с писателем другой культуры — Андреем Белым). Андрей Белый писал И. Иванову-Разумнику: ««Гоголь» был отдан на просмотр Воронскому, который наговорил мне самые большие комплименты... это и решило судьбу книги... Воронский захотел послушать «Гоголя», и у Катаева (писателя) устроили чтения; я реферировал содержание книги и прочел несколько отрывков; я даже не ожидал эффекта: Воронский стал провозглашать просто мою книгу; он-де дает слово, что ее устроит; «перевальцы» тоже очень поддержали меня» (Андрей Белый — Иванов-Разумник 1998: 704).

Перевальцев интересовала и Русь допетровская, особенно трагического периода церковного раскола. Важно, что их привлекали не создатели империи, хотя, быть может, в первую очередь, учитывая и новый тип отношений между церковью и государством после 1917 г., и политическую оппозиционность многих писателей репрессивным мерам против крестьянства (повесть «Молоко» И. Катаева, 1930), для перевальцев и А. Воронского в образах Ф. Морозовой и протопопа Аввакума была важна идея нравственного сопротивления, духовного подвига во имя идеи.

Так, герой рассказа И. Катаева «Зернистый снег» (1928) внезапно понимает, что он видел на картине В. Сурикова этот «грязный, розово освещенный снег», этот «жертвенный пустынно-снежный путь русской женщины», «поправшей холуйское никонианство» боярыни Морозовой, путь, по которому сегодня деревенские девушки, также отвергнувшие традиционный гендерный порядок, едут в губсовпартшколу (Катаев 1957: 193).

Позже, в 1938 г., Г.П. Федотов объяснял эту общую для России второй половины 1930-х гг. тенденцию тем, что воскрешаются древние пласты русской истории: «Однако старина эта бывает не похожа на недавнее, только что убитое прошлое. Из катастрофы встают ожившими гораздо более древние пласты. Можно сказать, пожалуй, что в человеческой истории, как в истории земли, чем древнее, тем тверже: гранит и порфир нелегко рассыпаются. Вот почему, не мечтая о воскрешении начал XIX века, мы можем ожидать — и эти ожидания отчасти уже оправдываются — воскрешения старых и даже древних пластов русской культуры» (Федотов 1938: 240).

Новая литература создавала произведения о тех частях страны, которые до революции почти не попадали в поле зрения русских писателей, невольно сосредоточившихся на традиционном развитии сюжета своих произведений в Центральной России или на Кавказе. Теперь литература осваивала Дальний Восток, Урал, Сибирь, Черноморское побережье, Дикое поле и всю южную Россию. Россия показана перевальцами как огромная страна с центром в Москве. Осознание огромности страны и себя как ее хозяев и расширение литературного пространства было одним из факторов интеллектуального освоения страны, создания географического культурного ландшафта, вобравшего в себя все культуры страны и создавшее новый литературный дискурс.

Перевальцы одними из первых создали новый хронотоп своей прозы, поместив Россию в общеисторический контекст. У Н. Зарудина в романе «Тридцать ночей на винограднике» (1931) действие происходит на берегу Черного моря (Абрау-Дюрсо), откуда открывается прямой путь к Кавказу (и мифу Кавказа в русской культуре и литературе) — Арарату — всему шару земному, где современное смыкается с библейским и вечным: «...Как всегда, как тысячу лет тому назад и как тысячу лет вперед, в огнях катастроф, в осенней позолоте, в снегах, в тропических грозах, во тьме и солнечном блеске, на незримой лозе тяготений летел нежнейший и древнейший шар нашей земли» (Зарудин 1983b: 239).

Перевальцы, как и большинство молодых писателей тех лет, были уроженцами разных областей европейской России (И. Катаев — Москвы, Н. Зарудин — Нижнего Новгорода, А. Воронский — Тамбова, Н. Тришин — Воронежа, В. Кудашев — Рязани и т. д.). К ним, по словам Н. Зарудина, «география, которую мы изучали когда-то, вдруг пришла запросто, как домашняя гостя — все далекие пространства придвинулись к Москве» (Зарудин 1983с: 518). В их текстах значительно расширены традиционные для русской литературы XIX в. рамки сюжетного действия. Именно в том, чтобы показать всю огромность и разнообразие страны состояла, в том числе, их творческая задача. Хронотоп перевальской прозы включал Москву — Крым — море — Армению — всю Россию и весь мир настоящего и прошлого: «вековые затененные недра лесов, комариная тьма колодников и еловых боров» (Зарудин

1983а: 385), «размах нашей страны — от фиордов до теплых морей, от ледяной зимы до вечного лета», «все лики, все наречия, все судьбы» (Зарудин 1983а: 237, 240.), «необъятная равнина, залегающая между четырех морей и двух океанов» (Катаев 1957: 87.). У И. Катаева и Н. Зарудина был замысел написать очерки о «стержневой фигуре нашей эпохи» (А. Воронский) — об одном коммунисте каждой из республик СССР. Это была попытка поместить большевика в традиционную систему ценностных координат: не чужой, а плоть от плоти своей страны, своего времени.

Расширение сюжетного пространства мы встречаем у многих перевальцев: у Н. Тришина («Искатели истины»), у А.Новикова («Обиход вольного разума», 1929), но особенно охотно использует этот сюжетообразующий принцип А. Малышкин («Февральский снег», 1928, «Ночь под Кривым рогом», 1928): поезд идет «через тысячеверстные пространства, через ветер и мрак; недряные тьмы России» (Малышкин 1928: 118.).

Сходные мысли в духе «вселенского коммунизма» Пролеткульта один из ведущих прозаиков «Кузницы» Ф. Гладков вложил в уста своего героя, типичного большевика того времени, Федора Чумалова: «Вот оно — и горы, и море, и завод, и город, и дали, уходящие за горизонты, — вся Россия — мы... Все эти громады — и горы, и заводы, и дали — поют в недрах своих о великом труде... Это рабочая Россия, это мы, это — новая планета, о которой мечтало в веках человечество» (Гладков 1925: 92).

Словно подчеркивая, что петербургский период русской литературы закончился в ДИСКе (Дом искусств, 1919–1923, Петроград) и метель из блоковской поэмы «Двенадцать» замела его следы, перевальцы акцентировали свою внимание на Москве, с которой в основном была связана вся недолгая творческая судьба Содружества. Утверждая значение Москвы в истории новой страны, перевальцы не только осваивали город, привыкали к нему, но и активно участвовали в пересоздании литературного мифа Москвы, противопоставляя его мифу Петербурга. Этому способствовал и перенос столицы — в одном ряду с изменениями календаря — символизировавший начало истории нового мира, но для И. Катаева, москвича, это было и возвращение к истокам, и продолжением связи двух городов. Теперь эта связь проявилась по-новому даже в формальном выражении: теперь Москву и Ленинград связывает не только железная дорога, но и шоссе, как неумолимо прямой путь новой истории. История выпрямляется, отбирая все необходимое для нового ментального пространства в мифологизированном «Кратком курсе истории ВКП (б)», возникает новое советское географическое пространство в прямых линиях каналов, шоссе и железных дорог, из Москвы «...разбегаются во все стороны холодно поблескивающие рельсы» (Катаев 1957: 87). В повести И. Катаева «Ленинградское шоссе» выстраивается символическая линия русской истории: Москва — Ленинград (Петербург) (Катаев 1957: 235–239).

В повести «Сердце» И. Катаева, начинавшего свой творческий путь в «Кузнице», Москва была представлена как центр «колоссального звездного шара» с районами-созвездиями, центр своеобразной системы концентрических кругов: годичный круг труда — сердце мира — «мужественное сердце страны» — сердце человека (большевика Журавлева, главного героя (Катаев 1957: 82–83). Сравнение

Москвы с сердцем закономерно для общеперевальской концепции художественного творчества с развитием приоритета «мысли сердечной» над «мыслью головной» (Григорьев 1967: 119; 121).

Для другого перевальца, Н. Зарудина, как и для всего поколения 1900 г., Москва была не только великим городом, но и великим котлом, «в котором варился питательный бульон для выписавшейся из военной больницы страны» (Зарудин 1983с: 507). Именно Москва притягивала к себе «все далекие пространства. Арктика, сибирские реки, северные тундры и Памир, пески Средней Азии и Карелия...» (Зарудин 1983с: 518).

Смысл русской истории в представлении перевальцев может быть осознан только в пересечении исторического с конкретным, имеющим четкие временные пределы развитием отдельной страны — России. История в их текстах предстает как единый непрерывный процесс. У А. Новикова («Обиход вольного разума» (1929)) и И. Катаева («Жена» (1927), «Зернистый снег» (1928)) проводятся аналогии между революцией и такими значимыми моментами русской истории, как царствование Ивана Грозного, нашествием татаро-монголов, церковным расколом и судьбой боярыни Морозовой.

Внимания заслуживает и специфичность художественного времени у перевальцев. Они справедливо считали, что «в художественном произведении время ощущается неустанно, как непрерывно действующий сигнал: в раскрытии жизни героев, в смене ликов у героев и вещей, в эволюции идеологии, в чувстве историзма, в ощущении ответственности художника перед своим временем» (Замошкин 1931: 180).

Перевальцев занимала современность, процесс строительства нового общества, воспитание нового человека. В то же время их проза была направлена в будущее, черты которого они пытались прозреть в настоящем, воспринимавшимся ими как преддверие будущего, ведь и литературная жизнь, и социальная биография самих перевальцев только начиналась. Один из идеологов Содружества И. Катаев прямо утверждал, что искусство «питаясь материалом прошлого — идейным строем, своим устремлением, призывами, — оно живо в будущем» (Советская литература на новом этапе 1933: 95).

Создавая образ будущей России, перевальцы, особенно И. Катаев, сохраняли традиционные для русской литературной утопии В. Одоевского и Н. Чернышевского черты: изобилие, чугунно-алюминиево-хрустальные дома-дворцы и электрический свет, «зеленые города-сады», «множества серых стеклобетонных зданий с блестящими и умными машинами и миллионов гектаров тучной, сообща обработанной земли, откуда обильным потоком хлынут тепло, голубой свет, пища и одежда для всех живущих» (Советская литература на новом этапе 1933: 96).

Большое внимание, особенно в период работы в журнале М. Горького «Наши достижения», перевальцы уделяли развитию жанра путевого очерка, популярного еще со времен работы В. Короленко в «Русском богатстве» (не случайно очерки молодых перевальских авторов появлялись вслед М. Пришвиным, выступавшим как ученик Короленко). «Нашими достижениями» для перевальских прозаиков были не гигантские стройки первых пятилеток (в их творчестве отсутствовал популярный в то время жанр производственного романа), а человек и природа, человек, преображающий природу (преображающий, сохраняя, а не покоряя). Хотя их

творчество уже связывалось с «генеральной линией», но это была генеральная линия преобразования жизни: борьба со стихией, с «тупым безразличием пространств» (Н. Зарудин). Для перевальцев, как и для А. Воронского, главной созидательной силой в борьбе с «косной материей», с «ветхим Адамом» прошлого была творческая энергия человека.

Но уже в 1930-е годы динамическая картина сменилась статической: прошлое превратилось в панораму, настоящее было от него прочно отделено, а вопрос о том, что такое настоящее, оказался снят. Хотя впоследствии наравне с фигурами государственными внимание писателей привлекали Степан Разин, Емельян Пугачев. Очевидно, что выбор своеобразных точек опоры в историческом прошлом России еще не был завершен и утвержден.

Непрерывность литературной истории и литературной эволюции, обращение перевальцев не только к революционным демократам и Л.Толстому, а к Н. Гоголю, Ф. Достоевскому, М. Прусту подчеркивало непрерывность самой истории, противостояло идеологическому отбору авторов и текстов, необходимых для создания советского литературного мифа и движению к социалистическому реализму.

Общее историко-литературное и эстетическое пространство тоже было одним из слагаемых образа России. Близкий к «Перевалу» критик «Нового мира» Н.П. Смирнов писал об этом, выделяя общее для всего Содружества утверждение непрерывности жизни: «Только органическое сознание непрерывности жизни, творимой сменой поколений, только сознательное ощущение себя в человеческом множестве дает здоровую полноту и радость бытия. Это же является и залогом цельности и целеустремленности художественного творчества...» (Смирнов 1931:1 83).

Подчеркнем, что, на наш взгляд, в текстах перевальцев создан многомерный образ России, «такой большой, как сон» (Н. Зарудин), существующий в истории, во времени, в географическом пространстве и в литературе.

Тексты прозаиков «Перевала» остались в прошлом, но и современных авторов продолжают волновать те же вопросы. Русская география и для них является образом, и сюжетом, и героем, как в повести В. Сорокина «Метель» (2010). Новое поколение формирует собственный литературный миф, адаптируя образ России к своему времени, находя в прошлом различные точки опоры: Б.Акунин со своим проектом отечественной истории, А. Варламов с «Мысленным волком» (2014), Е. Водолазкин с «Авиатором» (2015) и «Оправданием Острова» (2020) и др. Отметим стремление в поисках образа Родины представить страну как закрытую, замкнутую систему (в противовес пролеткультовской и перевальской открытости), выраженную уже в названиях книг: «Затонувший ковчег» (1997) и «Купол» (1999) А. Варламова, «Ненастье» (2008) А. Иванова, «Обитель» (2014) З. Прилепина, «Зона затопления» (2015) Р. Сенчина, «Крепость» (2015) П. Алешковского, «Оправдание Острова» (2020) Е. Водолазкина, но в любом случае это многомерное объемное пространство и есть общий образ России в его исторической динамике, который возможно восстановить только метафорически, через какие-то очень абстрактные образы-символы: Крепость, Ненастье, Зона затопления, Обитель.

- Пакентрейгер, С. (1925). А. Безыменский. *Красная новь*. 8. С. 247–255.
- Смирнов, Н. (1931). Александр Малышкин. В кн.: *Александр Малышкин*. Москва: Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники». С. 155–185.
- Советская литература на новом этапе*. (1933). Стенограмма Первого пленума оргкомитета Союза советских писателей (29 октября – 3 ноября 1932). Москва: Советская литература.
- Схиммельпэннинк ван дер Ойе, Д. (2019). *Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции*. Москва: РОССПЭН.
- Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*. (2012). Москва: Новое литературное обозрение.
- Шафранская, Э.Ф. (2017). Фазы колониального дискурса в русской прозе о Туркестане. *Филология и культура*. 2(48). С. 218–224.
- Фатющенко, В.И. (2008). *Русская лирика революционной эпохи (1912–1922 гг.)*. Москва: Гнозис.
- Федотов, Г.П. (1938). Русский человек. *Русские записки*. III. С. 239–261.
- Delporte, Christian. (2009). *Une histoire de la langue de bois*. Paris: Flammarion.
- Corney, Frederick C. (2004). *Telling October: Memory and the making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca: Cornell University Press.
- Gorham, Michael S. (2003). *Speaking in Soviet tongues: language Culture and the Politics of voice in Revolutionary Russia*. Dekalb, Ill.: Northern Illinois University Press.

BIBLIOGRAPHY

- Andrej Bely`j – Ivanov-Razumnik. (1998). *Perepiska*. Sankt-Peterburg: Atheneum; Feniks.
- Baxtin, M.M. (1975). Formy` vremeni i xronotop v romane. Oчерки po istoricheskoi poe`tike. V kn.: Baxtin M.M. *Voprosy` literatury` i e`stetiki*. Moskva: Xudozhestvennaya literatura.
- Corney, Frederick C. (2004). *Telling October: Memory and the making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca: Cornell University Press.
- Delporte, Christian. (2009). *Une histoire de la langue de bois*. Paris: Flammarion.
- Fatyushhenko, V.I. (2008). *Russkaya lirika revolyucionnoj e`poxi (1912–1922 gg.)*. Moskva: Gnozis.
- Fedotov, G.P. (1938). *Russkij chelovek. Russkie zapiski*. III. S. 239–261.
- Gladkov, F. Cement. *Krasnaya nov`*. 2. 1925. S.75–112
- Gorbachyov, O.V. (2018). *Koncepciya «sovetskogo prostranstva»: ot material`nosti k mifu*. V kn.: Sovetskij proekt. 1917–1930-e gg.: e`tapy` i mexanizmy` realizacii. Ekaterinburg: Izdatel`stvo Ural`skogo universiteta. S. 151–164.
- Gorham, Michael S. (2003). *Speaking in Soviet tongues: language Culture and the Politics of voice in Revolutionary Russia*. Dekalb, Ill.: Northern Illinois University Press.
- Grigor`ev, A. (1967) Kriticheskij vzglyad na osnovy`, znachenie i priemy` sovremennoj kritiki iskusstva. V kn.: *Literaturnaya kritika*. Moskva: Xudozhestvennaya literatura. S. 112–157.
- Kaganskij, V.L. (2001). *Kul`turny`j landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Karamzin, N.M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo v 12-ti tomax*. Moskva: Nauka, 1989. T. I. S. 14–15.
- Kataev, I. Serdce. (1957a). V kn.: Kataev I.I. *Izbrannoe*. Moskva: Xudozhestvennaya literatura. S. 29–109.
- Kataev, I. (1957b). Zernisty`j sneg. V kn.: Kataev I.I. *Izbrannoe*. Moskva: Xudozhestvennaya literatura. S. 184–194.
- Korolenko, V.G. (2001). *Dnevnik 1917–1921. Pis`ma*. Moskva: Sovetskij pisatel`.
- Lixachyov, D.S. (1979). Gl. IV. *Poe`tika xudozhestvennogo vremeni*. Gl. V. *Poe`tika xudozhestvennogo prostranstva*. V kn.: *Poe`tika drevnerusskoj literatury`*. Leningrad: Nauka. S. 209–334; S. 335–351.
- Lunacharskij, A.V. *Aktual`nejshie temy` xudozhestvennoj literatury`* URL: Nasledie A. V. Lunacharskogo (newgod.su) Data obrashheniya: 29.04.2022.
- Maly`shkin, A. (1928). Poezd na yug. V kn.: *Fevral`skij sneg*. Moskva: Federaciya.
- Maly`shkin, A. (1928). Fevral`skij sneg. V kn.: *Fevral`skij sneg*. Moskva: Federaciya.
- Ovcharenko, A.Yu. (2018). Rovesniki. *Sodruzhestvo pisatelej revolyucii «Pereval» v istoriko-literaturnom processe 1920–1930-x godov*. Moskva: E`kon-Inform.
- Pakentrejger, S. (1925). A. Bezy`menskij. *Krasnaya nov`*. 8. S. 247–255.
- Smirnov, N. (1931). Aleksandr Maly`shkin. V kn.: *Aleksandr Maly`shkin*. Moskva: Kooperativnoe izdatel`stvo pisatelej «Nikitinskie subbotniki». S. 155–185.
- Sovetskaya literatura na novom e`tape*. (1933). Stenogramma Pervogo plenuma orgkomiteta Soyuza sovetkix pisatelej (29 oktyabrya – 3 noyabrya 1932). Moskva: Sovetskaya literatura.
- Sximmel`pe`nnink van der Oje, D. (2019). *Russkij orientalizm: Aziya v rossijskom soznanii ot e`poxi Petra Velikogo do Beloj e`migracii*. Moskva: ROSSPE`N.
- Tam, vnutri. *Praktiki vnutrennej kolonizacii v kul`turnoj istorii Rossii*. (2012). Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Shafranskaya, E`. F. (2017). Fazy` kolonial`nogo diskursa v russkoj proze o Turkestane. *Filologiya i kul`tura*. 2(48). S. 218–224.
- Voronskij, A. O Perevale i pereval`czax. *Prozhektor*. 4. 1925. S. 19–21.
- Vyazemskij, P.A. (1927). *Staraya zapisnaya knizhka*. Leningrad: Izdatel`stvo pisatelej v Leningrade.
- Zamoshkin, N. (1931). O smezhny`x i kasatel`ny`x storonax dialektiko-materialisticheskogo metoda v literature. *Novy`j mir*. II. S. 175–194.
- Zarudin, N.N. (1983a). Tridezat` nochej na vinogradnike. V kn.: Zarudin N.N. *Put` v stranu smy`sla*. Moskva: Xudozhestvennaya literatura. S. 21–243.
- Zarudin, N.N. (1983b). Drevnost`. V kn.: *Put` v stranu smy`sla*. Moskva: Xudozhestvennaya literatura. S. 385–402.
- Zarudin, N.N. (1983c). Tridezat` nochej na vinogradnike. V kn.: *Put` v stranu smy`sla*. M Moskva: Xudozhestvennaya literatura. S. 506–523.